

Когда Лу Силай пришёл в себя, задница заняла так, что он едва снова не лишился чувств. Если бы не давящая обстановка тюремной камеры, он бы всерьёз заподозрил, что накануне перебрал с вином и позволил кому-то собой воспользоваться.

В попытках восстановить события он долго морщился и мысленно перебирал обрывки воспоминаний, пока не вспомнил: это Чжао Цзинжэнь приказал его избить. Ладно бы просто побили, так ведь ещё и кляп в рот засунули! Он бы, может, и рад был выдать Янь Шэня, да возможности не дали. Мало того — когда он притворился, что упал в обморок, удары не прекратились. В итоге он и впрямь отключился, и бог весть, сколько его ещё чеканили палками.

— Вот же ублюдок, — прохрипел Лу Силай.

Он долго и сбивчиво ругался, пытаясь перевернуться, но так и не смог подняться. Упёрся ладонями в каменные нары, но руки скользнули по гнилой соломе, и он снова рухнул ничком. Он с глухим стуком ударился подбородком о твёрдый камень — зубы едва не посыпались. Лу Силай замер, баюкая ушибленную челюсть. В конце концов, дверь темницы заперта наглухо, так что и корячиться незачем.

— Больно-то как... Ну, Янь Шэнь, за тобой теперь должок. И не надейся отделаться парой пустяков.

Он забормотал что-то под нос, уставившись в серую кирпичную кладку, как вдруг вспомнил про лицо. Осторожно коснулся пальцами затянувшейся раны — кожа под подушечками ощущалась неровной, бугристой. Лу Силай мгновенно помрачнел.

Повернув голову, он принялся изучать развешанные снаружи орудия пыток. От одного вида этого железного разнообразия внутри всё похолодело. Если бы на его месте оказался Янь Шэнь... Хрупкий книжник под ударами палок или плетей? Да заносчивый Премьер-министр умер бы скорее от позора, чем от ран.

«Ладно уж, — подумал Лу Силай, — я парень привычный, кожа толстая, жизнь дешёвая. Перетерплю».

Он подложил руки под голову и прикрыл глаза, проваливаясь в мутную дрему. Но стоило ему закрыть глаза, как снаружи раздался зычный выкрик:

— Шестой принц прибыл!

«Шестой принц... Это ещё кто?»

Лу Силай не сразу сообразил, о ком речь, но когда до него дошло, он вздрогнул всем телом. Слыша приближающиеся шаги, он едва не завыл в голос.

«Да что ж вы за звери такие?! Решили меня по кругу пустить, пока не сдохну?!»

Чжао Иинь, узнав, что Линь Яньдуна бросили в застенки Министерства юстиции, почувствовал себя окрылённым. Как только Ван Чэн доложил об этом, принц немедленно велел подавать экипаж. Ему не терпелось лично пересчитать кости наглецу ещё до начала официального суда.

Всю дорогу Чжао Иинь пребывал в благостном расположении духа, прикидывая, что лучше: «Расчесывание и умывание» или отрубание ног. В итоге он решил, что только «Пять наказаний» утолят его жажду мести. Выколоть глаза, отрезать нос и уши, отрубить кисти рук... А что до этого поганого рта? Он прикажет выбить каждый зуб, один за другим, вырвать язык, а затем зашить губы суровыми нитками. Пусть попробует тогда поумничать.

Сияющий от предвкушения Чжао Иинь прошествовал вслед за тюремщиком к камере. Надзиратель снова провозгласил титул принца, но Линь Яньдун продолжал неподвижно лежать на каменном ложе.

Заметив, как нахмурился господин, тюремщик поспешил объяснить:

— Ваше Высочество, этот человек вчера получил пятьдесят ударов палками по приказу князя Нинъяна. Видать, до сих пор в беспамятстве.

— Вот как? — Чжао Иинь вскинул бровь. Новость о том, что дядя уже приложил руку к пленнику, его порадовала. Но стоило взглянуть на ненавистное лицо, как принц холодно усмехнулся. — В беспамятстве, говоришь?

Он заложил руки за спину и медленно подошёл к самой решётке:

— Окатите-ка его перечной водой. Пусть прочувствует пробуждение.

«Твою ж мать!»

Лу Силай подскочил как ошпаренный. Одной рукой он судорожно упёрся в нары, а другой замахал перед собой, отчаянно глядя на Чжао Ииня:

— Не надо воды! Не надо! Очнулся я, очнулся!

Чжао Иинь не ожидал такой прыти и невольно отшатнулся. Поняв, что потерял лицо перед стражей, он мгновенно побагровел от ярости:

— Выволочь его сюда!

Так Лу Силай, оглашая коридоры воплями «больно, больно!», оказался крепко привязан к столбу. Чжао Инь же вальяжно устроился в стоявшем напротив кресле из красного дерева.

— Ну что, Линь Яньдун. Клеймение, отрезание носа, отрубание стоп, кастрация или сразу смертная казнь? С чего начнём?

Лу Силай готов был провалиться сквозь землю. Задница ныла немилосердно, а тут явился охотник клеймить ему лицо и лишать мужского достоинства... Подумав, он решил, что лучше уж сразу смертная казнь — хоть мучиться долго не придётся. Но страх смерти, всегда живший в нём, взял верх. Гнев закипал внутри, но голос звучал жалко:

— Ваше Высочество... Его Величество хоть и занемог, но обязательно поправится. И когда он узнает, что Линь Яньдуна замучили до смерти в Министерстве юстиции, как вы прикажете ему это объяснять?

— Хм, — Чжао Инь прищурился. Гнев на мгновение сменился ледяным спокойствием, а он улыбнулся. — И то верно. Убивать тебя пока нельзя.

У Лу Силая от этой улыбки мороз по коже пробежал. Ясно было: задумал принц что-то похуже смерти.

— Но вид твоей рожи меня несказанно утомляет, — Чжао Инь откинулся на спинку кресла и небрежно закинул ногу на ногу. — Слышал я, что строптивых быков кастрируют, чтобы они послушнее пахали землю. Как думаешь, может, и мне тебя оскопить?

«Ах ты ж дрянь...» — Лу Силай уставился на принца, задыхаясь от ярости. Слова путались, он едва не сорвался на крик: — Да как вы... Это же низость! Подлость!

Заметив, как принц помрачнел, Лу Силай вовремя спохватился. Нельзя его злить. Он тут же скорчил страдальческую мину:

— Ваше Высочество... Наследный принц! Это я виноват, я, пес шелудивый, глаза мои собачьи не видели, кто передо мной. Вы же человек великой души... Если вас укусит бродячая собака, вы ведь не станете кусать её в ответ?

Чжао Инь неожиданно рассмеялся, обнажив зубы:

— Линь Яньдун, а ты и впрямь забавный малый.

Он поднялся и неспешным шагом подошёл к пленнику. Одним движением он сорвал с пояса Лу Силая целую гроздь императорских подарков — подвески и жетоны зазвенели в его руках.

— Ты ведь любимчик отца. То, как ты пресмыкаешься передо мной, право слово, льстит моему самолюбию.

Среди прочих безделушек Лу Силай заметил нефритовую подвеску в форме веера, которую подарил ему Янь Шэнь. Сердце ёкнуло.

Император заваливал его побрякушками чуть ли не каждый день — вещицы были тяжёлые, вычурные, толку от них мало. Если принц их расшибёт, не жалко. Но ту, что от Янь Шэня... Тот ведь всю ночь за ней охотился... Да и чужие вещи портить — грех.

«Да, нехорошо получится», — Лу Силай прикусил губу.

Чжао Иинь не упустил мимолётной смены настроения на его лице. Он принялся вертеть в руках подвески, а затем, холодно усмехнувшись, замахнулся, чтобы разбить всё разом.

— Стой!! — внезапно взревел Лу Силай.

Он выдавил из себя пару слезинок и закричал так истошно, будто его уже резали:

— Отдай мне ту, красную! Остальное хоть в пыль сотри, только её верни!!

Чжао Иинь замер. Он принялся копать в звенящей куче и выудил ярко-красную нефритовую пластинку с искусной резьбой «стократного благословения». Нефрит был чистейшим, работа — тончайшей. Принц злорадно усмехнулся. Он небрежно швырнул остальные украшения на деревянный стол, а красную подвеску поднял перед глазами Лу Силая:

— Эту?

Лу Силай понял, что рыбка заглотила наживку. В душе он ликовал, но на лице изобразил глубочайшее отчаяние, смешанное с надеждой. Он уже приготовился рассыпаться в благодарностях, когда раздался сухой треск. Чжао Иинь с силой швырнул красную подвеску на каменный пол.

Видя, что та не разлетелась вдребезги, принц с каким-то остервенением наступил на неё сапогом, вминая обломки в грязь. Лу Силаю хотелось расхохотаться, но он вовремя взял себя в руки. Закатив глаза, он завыл во всё горло:

— А-а-а! Чжао Иинь, ты паршивец! Я тебя...

Звонкая пощёчина прервала его на полуслове. В голове загудело, в ушах зазвенело.

Когда шум немного утих, Лу Силай мысленно перевёл дух. Удар был сильным, но оно того стоило — подарок Янь Шэня остался лежать на столе в целости и сохранности.

— Линь Яньдун, запомни: всё, что тебе дорого, я уничтожу. Одно за другим.

«Ваше Высочество, ну за что нам такая вражда?» — Лу Силай поморщился. Он и сам понимал — за что. То укусит принца, то штаны с него спустит... Но ведь тот сам всегда нарывался первым!

— Чего застыли? — Чжао Иинь отступил на пару шагов, он смотрел с лихорадочным блеском.
— Кастрируйте его!

«Он всё ещё об этом помнит!» У Лу Силая выступил холодный пот. Он уже открыл рот, чтобы что-то возразить, как вдруг снаружи донеслось:

— Императрица прибыла! Князь Нинъян прибыл!

Оба — и принц, и пленник — замерли. Один был полон недоумения, другой — смеси страха и надежды. Чжао Иинью ничего не оставалось, кроме как выйти встречать мать.

Императрица Лян явилась не случайно. С тех пор как она узнала о заточении Линь Яньдуна, её не оставляла тревога за сына. И предчувствие не обмануло: слуги доложили, что её не в меру ретивый отпрыск, прихватив стражу, ворвался в Министерство юстиции.

«Любовь — дело хорошее, но какая же это глупость!..» — подумала Императрица.

Она не была закованной в свои взгляды и души не чаяла в Чжао Иине. Захоти он хоть звезду с неба, она бы её достала. Что ей какой-то Линь Яньдун? Не будь он из свиты Янь Шэня, она бы сама его связала и сыну в покои доставила, и не важно, чей он там фаворит.

Но Линь Яньдун был человеком Янь Шэня, и это делало ситуацию крайне щекотливой.

Поэтому, едва узнав о выходке принца, она бросилась следом. У ворот Министерства юстиции она столкнулась с князем Нинъяном, который тоже выглядел непривычно озабоченным, и они вошли вместе.

Увидев вышедшего на поклон сына, Императрица мягко улыбнулась:

— Сын мой, я тебя обыскала. Что ты забыл в тюрьме, когда должен отдыхать в своих покоях?

— Матушка... Линь Яньдун вчера попал за решётку, и я...

— Довольно, — она перебила его, не дав закончить. Улыбка осталась прежней, но она недовольно взглянула. — Мне сказали, из провинций привезли диковинные дары. Идём, посмотришь вместе со мной.

— Но... — Чжао Иинь осекся, чувствуя, как на него ушатов вылили ледяную воду. — Матушка, там Линь Яньдун... — он невольно покосился на стоявшего рядом Чжао Цзинжэня. Князь стоял неподвижно, устремив взор куда-то в пустоту, и не проронил ни слова.

Императрица видела, как он заикнулся на этом мальчишке, и её гнев был уже почти неприкрытым:

— Что, матери времени уделить не можешь? Вечно ты где-то пропадаешь. Вырос, совсем от рук отбился...

Ворча, она взяла его под локоть и настойчиво повела к выходу.

Чжао Ииня уводили всё дальше от тюремных камер, а он всё оглядывался назад. «Да что ж это за проклятье такое! Неужто Линь Яньдуна сами небеса хранят? Почему каждый раз, когда победа близка, появляется матушка и рушит все планы?!»

Оставшийся в одиночестве Чжао Цзинжэнь мрачно обмахнулся веером. Когда свита скрылась из виду, он нахмурился и медленно направился вглубь темницы.

Лу Силай сидел один, гадая, что будет дальше, когда в камеру вошли стражники. Они молча развязали его и грубо втолкнули обратно за решётку.

Поняв, что опасность миновала, Лу Силай не на шутку обрадовался. Но жадность взяла своё — он вспомнил про оставленные на столе сокровища.

— Господа стражники, погодите! Позвольте мне забрать мои вещички!

Тюремщики, видя в нём лишь немощного книжника, не стали препятствовать. Хромая и морщась, Лу Силай доковылял до стола. Он уже протянул руку, чтобы сгрести в охапку звенящие украшения, как вдруг его запястье перехватили. Чьи-то пальцы, холодные и крепкие, словно железные тиски, до боли сдавили руку.

Лу Силай поднял взгляд и наткнулся на тяжёлый, давящий взор Чжао Цзинжэня. От этой ауры, холодной и зловещей, задница снова предательски заныла.

«Твою мать... Неужто этому зверю мало было вчерашнего?!»

<http://bllate.org/book/17426/1697655>